

Водноэнергетические проблемы Центральной Азии – возможные пути решения

К.П. Боришполец

Статья посвящена анализу актуальной конкуренции и перспектив сотрудничества стран Центральной Азии в сфере водных ресурсов.

Водноэнергетические проблемы Центральной Азии очень разнообразны по своему содержанию. Однако современный информационный поток склоняет к заключению, что пока «на водном фронте – без перемен». Поэтому, подводя итоги развития двух последних лет, хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, которые окажут влияние на региональные процессы в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Консервация конфликтного потенциала водноэнергетических отношений центральноазиатских государств

Водноэнергетическая проблематика, а точнее, противоречия между энергетическим и аграрным использованием трансграничного водостока традиционно составляет одно из наиболее конфликтных направлений регионального взаимодействия в зоне Центральной Азии. В эпицентре этих противоречий находятся отношения Узбекистана, потребляющего основную долю центральноазиатского водостока, с Таджикистаном и Киргизией, которые стремятся существенно увеличить мощности по выработке электроэнергии и создать условия для ее экспорта за пределы региона. Конфликт меж-

ду интересами «горных» стран – Таджикистана и Киргизии – и интересами их «равнинных» соседей – Узбекистана, а также Туркмении и Казахстана, – который неуклонно обострялся с середины 90-х гг. XX в., пока не удалось разрешить:

- ни на основе льготных поставок узбекского углеводородного сырья для нужд таджикской и киргизской экономики;
- ни путем оптимизации ежегодных балансов водопотребления по линии МКВК¹;
- ни за счет попыток создания в середине прошлого десятилетия регионального водноэнергетического консорциума.

Другими словами, все форматы комплексного урегулирования противоречий между энергетическим и аграрным использованием трансграничного водостока в Центральной Азии, предпринимавшиеся на двусторонней основе, по линии ЕврАзЭС, а также в контексте расширения с 2002 г. вовлеченности внерегиональных структур, оказались заблокированными. Однако, несмотря на то что в течение последних пяти-шести лет «водный вопрос» неоднократно ставил Узбекистан и его «горных» соседей (особенно Таджикистан) на грань вооруженной конфронтации, реального военного конфликта все же удавалось избежать.

Боришполец Ксения Петровна – к.полит.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

На современном этапе конфликтная ситуация приобрела черты взаимодействия различных региональных и внерегиональных сил, которые в своем большинстве пытаются избежать стихийной эскалации напряженности. Главным фактором, обеспечившим сохранение политического контроля за обстановкой в сфере водноэнергетической проблематики, стала позиция российской стороны, не поддерживавшей ни таджикские планы радикального изменения системы регионального водопользования, связанные с Рогунской ГЭС, ни узбекскую политику давления на Таджикистан. К настоящему времени России удалось избежать прямого участия в разрешении водноэнергетических противоречий в Центральной Азии. Вместе с тем благодаря принятию проекта строительства в Киргизии четырех каскадов Нарынской ГЭС, в реализации которого примет участие также Казахстан, она может усилить свои стратегические позиции в регионе.

В целом на современном этапе произошла консервации конфликтного потенциала водноэнергетических отношений центральноазиатских государств, для которой характерно «расфокусирование» традиционной конфронтации между «горными» и «равнинными» странами. Для привлечения зарубежных инвестиций Таджикистан уже более двух лет ожидает результатов экспертизы рогунского проекта по линии Всемирного банка, а Узбекистан обратился к тактике массированной критики экологических последствий политики своих соседей в водном вопросе и модернизации аграрного водопользования с привлечением иностранных специалистов. Поэтому хотя узбекско-таджикские и узбекско-киргизские противоречия сохраняются на высоком уровне, их развитие перешло в русло поэтапного разрешения с участием международной среды.

Наращивание странового водноэнергетического потенциала государствами Центральной Азии

Консервация основных условий распределения водных ресурсов между странами Центральной Азии не снимает вопроса о нестабильности регионального баланса трансграничного водопользования. Так, Таджикистан, – несмотря на неоднократные срывы планов строительства Рогунской ГЭС (2007–2012 гг), неопределенность перспектив этого проекта, трудности ввода в эксплуатацию других значимых для страны гидросооружений (в частности, Сангтуды-2) и недавние акценты на развитие средней и малой гидроэнергетики, сохранил приверженность линии по повышению своего статуса как производителя электроэнергии в центральноазиатском сегменте пространства СНГ. Этот курс обусловлен не только тяжелым экономическим положением страны, но и политическими «авансами» США, связанными с планами создания «Большой Центральной Азии», а также прямой финансовой заинтересованностью президента Э. Рахмона и его ближайшего окружения. Поэтому, несмотря на противостояние с Узбекистаном,

отсутствие солидарности со стороны ближайшего регионального окружения, недостаточный уровень поддержки международных финансовых структур и потенциальных инвесторов, Таджикистан будет продолжать, по крайней мере на вербальном уровне, курс на достройку Рогунской ГЭС и других форматов увеличения одностороннего забора воды из трансграничных источников.

Что касается Киргизии, то на основе подписанного на высшем государственном уровне 20 сентября 2012 г. российско-киргизского Соглашения о строительстве Камбар-Атинской ГЭС-1 и Верхненаарынского каскада ГЭС, а так же и последовавшего вскоре решения о строительстве внутренней высоковольтной линии, позволяющей снизить зависимость от поставщиков электроэнергии из соседних государств, киргизской стороне удалось совершить важный прорыв на пути достижения энергетической безопасности и реализации планов экономического развития. Перспективы строительства в общей сложности пяти гидроэнергетических объектов на территории Киргизии, как и заявленные намерения киргизского руководства провести модернизацию крупнейшей в Центральной Азии Токтогульской ГЭС (оценочная стоимость модернизации – 55 млн долл. США), являются проектами, открытыми для участия соседних стран, иностранных компаний и международной экспертизы².

Вместе с тем они создают дополнительную напряженность в киргизско-узбекских отношениях, поскольку первоначально нейтральная позиция Узбекистана не получила должного подтверждения и является в настоящее время резко негативной. Тем не менее с учетом официальной поддержки Казахстана и позитивной реакции Таджикистана перспективы киргизской гидроэнергетики способствуют формированию нового тренда конструктивного преодоления водноэнергетических противоречий в Центральной Азии, результативность которого в полной мере проявится уже в ближайшие два-три года.

Тенденция наращивания собственного водноэнергетического потенциала характерна и для трех «равнинных» государств Центральной Азии. В Узбекистане и Туркмении предпринимаются усилия для создания дополнительных резервуаров накопления поверхностных водостоков, в том числе в бассейнах трансграничных рек, начата модернизация систем водопотребления (Узбекистан) и обеспечения населения чистой питьевой водой (Туркмения). В Узбекистане продвигаются проекты в области малой и средней гидроэнергетики. В Казахстане достаточно активно проводятся мероприятия для восстановления северного сегмента Аральского моря, инициировано строительство гидротехнических объектов, предназначенных для регулирования паводковых вод, но на практике являющихся местными водохранилищами.

Таким образом, в результате политики центральноазиатских государств региональный баланс трансграничного водопользования подвергается все более очевидной эрозии. Однако в ближайшие

три–пять лет, в силу объективно инертной природы всех проводимых в духе «приватизации» региональных водных ресурсов мероприятий, этот баланс скорее всего не претерпит радикальных изменений. Вместе с тем необходимо учитывать, что в Таджикистане, Киргизии и Казахстане официальная правительственная позиция по водной проблематике стала объектом все более широкой критики со стороны оппонентов действующих руководителей. Другими словами, из сферы внешнеполитической конкуренции центрально-азиатский «водный вопрос» в большинстве стран региона вошел в публичный внутривластный дискурс.

Активизация внешних участников водноэнергетического взаимодействия в Центральной Азии

Поиск форматов центральноазиатского водноэнергетического взаимодействия происходит на фоне расширения вовлеченности международных участников. Эта тенденция обусловлена не только стремлением Таджикистана и Узбекистана добиться поддержки своих конкурирующих позиций в ОБСЕ, ЕС и ООН, но и растущей активностью США и КНР. Для американской стороны характерны:

- во-первых, публичный алармизм относительно неизбежности скорого наступления силовой фазы водного конфликта;
- во-вторых, политическая поддержка таджикских планов строительства Рогунской ГЭС и энергетического экспорта в афганском направлении;
- в-третьих, включение таджикской гидроэнергетики в контекст стратегии раскола Центрально-Азиатского региона (планы «Большой Центральной Азии»).

Китай придерживается пока более прагматичной позиции, стремясь дистанцироваться от основных проблем региональной конфронтации, увеличивая финансовую поддержку курса на развитие малой гидроэнергетики в Таджикистане и избегая обсуждения спорных моментов водodelения с Казахстаном. Вместе с тем необходимо учитывать, что сдержанность китайской стороны в центральноазиатском водном вопросе во многом обусловлена высокой заинтересованностью в резервировании водостока трансграничных рек для обводнения Синцзяна, которое предполагается инициировать в пределах среднесрочной перспективы.

Что касается исламских государств, составляющих ближайшее региональное окружение стран Центральной Азии, то пока реальные отношения в сфере гидроэнергетики сложились только по линии иранско-таджикского сотрудничества. Однако это направление серьезно тормозится:

- наличием просроченных долговых обязательств Таджикистана перед Ираном (более 12 млн долл.), образовавшихся в ходе строительства и начала потребления электроэнергии Сангтудинских ГЭС;

- отказом иранской стороны стать крупным внешним инвестором рогунского проекта;
- разногласиями при разработке правил иранско-таджикского энергетического обмена;
- и далеко не в последнюю очередь недовольством иранской стороны сближением президента Э. Рахмона с США.

Энергетическое партнерство стран Центральной Азии с Афганистаном и Пакистаном как на двусторонней, так и на многосторонней основе пока остается потенциальным и уже несколько лет находится на подготовительной стадии. В рамках программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) к концу 2013 г. предполагается приступить к строительству 970-километровой ЛЭП из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан, но участие в финансировании проекта еще не подтвердил Азиатский банк развития, в то время как финансирование по линии Всемирного банка и Исламского банка развития для осуществления проекта недостаточно³.

Таким образом, несмотря на углубление тенденции интернационализации взаимодействия в сфере водноэнергетических ресурсов Центральной Азии, снижения конфликтного потенциала регионального «водного вопроса» в последние годы не произошло и вряд ли произойдет в обозримом будущем. Диверсификация усилий как ведущих, так и менее значимых международных участников, например в рамках «Водной инициативы по Центральной Азии» министерства иностранных дел ФРГ или недавно заявленных планов индийской компании построить в Таджикистане две ГЭС средней мощности, фактор реализации нескольких экологических проектов с международным участием и другие современные инициативы также не являются достаточными для кардинальных изменений водноэнергетической ситуации в Центрально-Азиатском регионе.

В то же время активизация внешних участников водноэнергетического взаимодействия неоднозначна по своим последствиям. Условия становления сотрудничества «горных» и «равнинных» стран Центральной Азии остаются гипотетическими, причем основные проекты с международным участием фактически переводят традиционную борьбу за воду в плоскость борьбы за прибыль от экспорта электроэнергии. Другими словами, развивается процесс расширения спектра конфликтного взаимодействия в сфере ресурсного потенциала центральноазиатских стран, а в среднесрочной перспективе усиливаются риски углубления страновой разобщенности региона. В этом контексте российское вступление в Камбар-Атинский (Киргизия) гидроэнергетический проект, предполагаемый финансовый вклад в реконструкцию Нурекской ГЭС (Таджикистан), линия на участие РФ в развитии гидрооборужений в Узбекистане представляются важным стратегическим решением, препятствующим фрагментации Центральной Азии под влиянием многовекторного международного партнерства.

■ Международные отношения

Выводы и предложения

Водноэнергетические проблемы Центральной Азии формируют комплекс вызовов стратегического и тактического характера, преодоление которых предполагает масштабные материальные затраты и радикальные инновации в аграрном водопользовании. При этом любой проект по изменению природных или хозяйственных факторов потребует не только очень крупных инвестиций, но и, как минимум, пятилетнего срока реализации. Необходимо также учитывать сложности регулирования управления региональными водными ресурсами на многосторонней основе.

Существенные ограничения на согласование многосторонней стратегии управления водными ресурсами усугубляют внутривнутриполитические проблемы стран региона. В каждой из них сложились группы интересов, делающих ставку на получение чисто корпоративных преимуществ как в нынешних условиях, так и в процессе интеграционных изменений. Это обстоятельство наряду с недостаточной подготовленностью профильных центральноазиатских учреждений сохранится на протяжении длительного времени. Несмотря на жесткость административной вертикали, многосторонние компромиссные договоренности, достигнутые на уровне президентских команд, будут вызывать недовольство со стороны «среднего звена» правящих кругов и обострять клановую конкуренцию в высших эшелонах власти. Начавшаяся в первые годы постсоветского периода тенденция страновой «приватизации» водных ресурсов не только продолжается, но и усиливается.

Новыми моментами в этом плане являются:

– во-первых, рост вовлеченности Казахстана в процессы согласования позиций стран региона в области гидроэнергетических ресурсов;

– во-вторых, интенсификация профильных контактов казахстанских, таджикских, киргизских и узбекских структур;

– в-третьих, стремление Узбекистана максимально интернационализировать свои разногласия с Таджикистаном и Киргизией, добиваясь экологической дискредитации их проектов и прямого запрета на возведение больших плотин. Характерно, что Таджикистан постепенно проигрывает информационную войну с Узбекистаном в том, что касается экологии Рогунской ГЭС, и не добился убедительного превосходства в дискуссии по экологическим рискам Сарезского озера.

Исходя из современной ситуации при формировании российской политики по водноэнергетической проблематике в Центральной Азии целесообразно:

1. Рассматривать профильное сотрудничество на двусторонней основе со странами Центральной Азии как приоритетный подход к продвижению российских интересов.

2. Учитывать, что необходимый для снижения региональной напряженности проект оптимизации регулирования центральноазиатского трансграничного водостока потребует не менее чем двухлетнего подготовительного периода и решения вопросов межгосударственных взаиморасчетов, связанных с увеличением производства электричества «горными» странами.

3. Исходить из незначительной вероятности достройки Рогунской ГЭС в формате национального таджикского проекта с международным финансированием. Руководство Таджикистана не располагает достаточными кадровыми и организационными ресурсами для достижения официально декларируемых целей.

Borichpolets K.P. Water and Energetic Problems in Central Asia and Eventual Ways of the Solution.

Summary: The article evaluates the imbalance of water resources, actual concurrence and cooperation prospects of Central Asia states.

Ключевые слова

Региональный водный дисбаланс, межстрановые противоречия в Центральной Азии, перспективы сотрудничества в водном вопросе.

Keywords

Central Asia regional water imbalance, international concurrence, Central Asia cooperation in the field of water projects.

Примечания

1. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии.
2. В настоящее время известно, что Таджикистан и Казахстан выступают наблюдателями в строительстве Камбар-Атинской ГЭС-1. Строительные работы будут проводиться двумя российскими компаниями: «РусГидро» и ОАО «Интер РАО ЕЭС», а заявки на участие в тендере на разработку технико-экономического обоснования строительства Камбар-Атинской ГЭС-1 в Киргизии подали 5 иностранных компаний. В список претендентов вошли: китайская компания «Hydrochina Corporation», французская компания «Tractebel Engineering», немецкая компания «Fichtner GmbH & Co KG», канадская компания «SNC-Lavalin International Inc» и австрийская компания «ILF Consulting Engineers»//Источник: URL: <http://www.regnum.ru/news/1634258.html> -11-03-2013
3. В настоящее время рассматривается вопрос об участии других инвесторов в реализации CASA-1000, в том числе российской компании «Интер РАО ЕЭС» и ряда арабских инвестиционных компаний. Ранее российская сторона заявляла, что в случае если страны – участницы проекта ее пригласят, то Россия готова вложить в проект CASA-1000 сотни миллионов долларов.